

В.А. Арутюнова-Фиданян

УСТНАЯ ИСТОРИЯ В РАННЕЙ АРМЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМАХ КУЛЬТУРНОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Механизмы взаимодействия устной и письменной традиций всё еще недостаточно исследованы, в особенности, когда речь идет о самом раннем периоде такого взаимодействия. В статье данная проблема рассматривается на примере армянского историописания V в. Предшественники Мовсеса Хоренаци, первые историографы V в., одинаково используют родовые предания и героическую устную историю, основанную на конкретных фактах, изложенных в соответствии с требованиями фольклорных формул и этикетных установок. Эти авторы не претендуют на включение истории Армении во всеобщую историю, событийный ряд, отраженный в их сочинениях, обычно точен, но описания событий Персидской войны и ее персонажей, а также христианизации и ее деятелей, внутренних коллизий в стране и т.п. не прошли обычного пути «миф–эпос–история». Языческий миф был отсечен самими авторами, а повествование о реальных исторических событиях облекалось в привычную эпическую форму устных преданий. Слишком короток был путь от конца IV до второй половины V в. для изменений, приращений, контаминаций, характерных для более поздних исторических сочинений. Мы наблюдаем феномен рассказов очевидцев, дошедших до авторов «Бузандарана», Елише и Лазара Парпеци в рамках устной истории, только что передавшей свой трон историографии.

Ключевые слова: Армения, историописание, устная традиция, письменность, Мовсес Хоренаци, «Бузандаран», Елише, Лазар Парпеци

Юго-западный регион Армянского нагорья, по соседству с северной Месопотамией, — одно из древнейших мест обитания человечества и колыбель армянского этноса, здесь находились племенные протоармянские объединения Хайаса, а позднее Арме-Шубриа — последнее вошло в состав царства Урарту. В этом регионе в течение тысячелетий взаимодействовали этносы и пре-

дания индо-европейские, протоармянские, хурритские, урартские, иранские и т.д.¹ Тарон играл одну из ведущих ролей в истории Армении и тогда, когда центр Армении переместился в Айрарат. С Айраратом и Тароном связана большая часть армянских эпических циклов, отраженных в ранней историографии. Процессы инфильтрации устной истории в письменную, превращение мифа в эпос, а эпоса в историографию породили огромную литературу (филология, литературоведение, этнография, история, религиоведение и т.д.). Давно признаны различия в хранении и распространении знания между письменными и бесписьменными обществами: разные представления о мире, времени и пространстве, историческом прошлом, исторической памяти. Однако механизмы взаимодействия двух традиций все еще недостаточно исследованы, в особенности, когда речь идет об истоках слияния устной и письменной традиций.

Исследователи справедливо утверждают, что взаимодействие устной истории и историографии — это переосмысление преданий, проходящих через многочисленные и разнообразные идеологические фильтры. В проблематике взаимодействия устной и письменной истории всегда важна тема противостояния «эпоса» и «хроники» (первый — классическая форма выражения устной традиции, близкая к мифологии, вторая — историческое знание)². Ряд исследователей, тем не менее, возражает против этого распространенного суждения, аргументированно полагая, что слишком резкое противопоставление понятий «история–реальность», «миф–фикция» изжило себя. Проблема соотношения эпоса и хро-

¹ *Еремян С.Т.* Племенное объединение армян в стране Арме-Шубрия // ИФЖ. 1958. № 3 (на арм. яз.); *Он же.* Процесс формирования армянского народа // Там же. 1968. № 2 (на арм. яз.); *Он же.* История армянских племен в стране Арме-Шубрия // История армянского народа. Ереван, 1971. Т. 1. С. 230–245 (на арм. яз.; см. указ. литературу); *Джаукян Г.Б.* Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван, 1964; *Он же.* О соотношении хайасского и армянского языков // ИФЖ. 1988. № 1. С. 60–88. Вс. Иванов выделяет в дописьменной истории армянского языка, наряду с периодами интенсивного иранского влияния, и более раннее воздействие северо-кавказских (включая хуррито-урартские ок. II–I тыс. до н.э.) языков и хетто-лувийских индоевропейских диалектов и еще более древнего диалектного армяно-индо-иранского единства после вычленения этого единства из общеиндоевропейского (*Иванов Вс.* Выделение разных хронологических слоев в древнеармянском и проблема первоначальной структуры текста гимна Ва(х)агну // ИФЖ. 1983. № 4 (103). С. 22–43).

² *Репина Л.П.* Память и историописание // История и память. М., 2006. С. 25–26.

ники продолжает оставаться дискуссионной, иными словами, не до конца выяснены общие механизмы взаимодействия устной и письменной традиций. И, прежде всего, возможно, потому, что эти механизмы сложно привести к одному знаменателю не только в разных традициях, но и в одной и той же, и даже в один и тот же период, в данном случае в V в. в Армении.

Для целей настоящего очерка важно подчеркнуть, что Армении нельзя было назвать бесписьменной даже до изобретения алфавита (в начале V в.), поскольку армянская государственность, восходящая к эллинистическим временам, не могла бы обходиться без письменности, обслуживающей нужды царства (армия, фиск, дипломатия и т.п.). В Армении существовали греческие и сирийские школы. Греческим и сирийским языками пользовались не только знать и интеллектуалы, но и широкие слои населения. Придворные и храмовые истории записывались на сирийском и греческом языках, языческие храмы (как и их преемники — средневековые армянские монастыри) были хранителями духовной культуры и обладали иноязычными источниками об армянской истории. Некоторые из этих храмов (под другими наименованиями) уцелели в процессе христианизации, обеспечив преемственность культурных традиций. Придворные и храмовые хроники, не дошедшие до нас, упоминаются в ранней армянской историографии и, очевидно, были ее предшественниками, возможно, послужив ее расцвету в V в. Другой составляющей этого расцвета было развитие языка. Изложение мифологических и эпических циклов постоянно совершенствовалось в творчестве профессиональных сказителей — гусанов и випасанов.

Появление армянской письменности было подготовлено и вызвано нуждами новой христианской религии для перевода на армянский язык богословских трудов, которые должны были направить идейную и литургическую деятельность Армянской церкви. Армянская переводная литература в V–VIII вв. включала в себя классические переводы (V в.) и переводы грекофильской школы (конец V — начало VIII в.). Переводы классического периода должны были обеспечить религиозное образование (библика, литургика, патристика, герменевтика, апологетика, история, каноника, агиография). Во второй период развития армянской переводной литературы преобладают теоретические сочинения — памятники догматического и философского характера. Деятельность армянских переводчиков отличается такой целеустремленностью, кото-

рую можно воспринять как «сознательную программу трансплантации культуры»³.

Переводчики и того, и другого периода использовали принципы так называемого «материального» перевода, скрупулезно передавая содержание и форму оригинала. Грекофилы не заимствовали греческие философские термины, но прибегали к смысловому переводу их составных частей, вводя в армянскую лексику искусственные словосочетания. Древнеармянские переводы Аристотеля, Платона, Порфирия, Филона Александрийского и других принадлежат к числу древнейших в мировой философской литературе. Высокая степень точности этих переводов позволяет вносить коррективы в дошедшие до нас греческие оригиналы⁴. Переводчики — представители эллинофильской школы, совершавшие *translatio* (перевод, перенос) греческой культуры в Армению и обогащавшие армянскую лексику новыми понятиями и терминами, стали основоположниками армянской оригинальной литературы, главным образом, богословской, философской и историографической.

Фиксация и накопление исторических знаний в иноязычных источниках, развитая устная традиция (устная история, мифология, эпос) и деятельность эллинофилов (переводчиков и писателей) обусловили расцвет армянской литературы сразу после создания письменности. V в. — это период возникновения и одновременно высочайшего взлета армянской историографии, именуемый «золотым веком». Иными словами, промежутка между зрелой устной традицией и развитой письменной почти не было. Второй яркой особенностью соотношения устной и письменной традиций в Армении было их сосуществование и взаимовлияние с V в. и до Нового времени: так, эпос «Сасунские храбрецы» («Давид Сасунский») бытовал в течение тысячелетия в Западной Армении и был записан только в XIX в.⁵

В V в. после создания алфавита были написаны: сочинение ученика Месропа Маштоца Корюна «История жизни и смерти бла-

³ Finck F.N. Geschichte der armenischen Literatur // Geschichte der christlichen Literaturen des Orients. Leipzig, 1907. S. 75–130; Тер-Петросян Л. Древнеармянская переводная литература. Ереван, 1971. С. 7–11; Арутюнова-Фиданян В.А. «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М., 2004. С. 27–31.

⁴ Аревшатян С.С. Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973. С. 141–227.

⁵ Мелик-Оганджян К.А. О принципах историзма в изучении фольклора по материалам армянского народного эпоса. «Давид Сасунци» // ИФЖ. 2006. № 2. С. 286–304.

женного мужа, святого вардапета Маштоца, нашего переводчика» (между 443 и 450 гг.); «История Армении» (или «Житие Григория Просветителя»), приписываемая Агафангелу (возможно, 60-е годы V в.); «История Армении», приписываемая Фавстосу Бузанду, или «Бузандаран» — сборник «эпических историй», принадлежащих разным авторам, составленный, очевидно, во второй половине V в.; сочинение Елише «О Вардане и армянской войне», записанное очевидцем и охватывающее небольшой период (середина V в.); «История Армении» Лазара Парпеци — изложение событий 387–485 гг. (конец V в.) и, наконец, «История Армении» Мовсеса Хоренаци — первая целостная история армянского народа от его появления на исторической сцене до периода, современного историографу⁶.

Не все эти труды, разумеется, дают равные возможности выявления механизмов перехода от устной традиции к письменной. Труды Корюна и Агафангела, например, представляют собой сложную смесь жанров: жития (Маштоца и Григория Просветителя), биографии и панегирика⁷.

Елише, Лазар Парпеци и авторы «Бузандарана» — ученики Месропа Маштоца и Саака Партева, интеллектуалы и эллинофилы, — последовательно излагают вполне верифицируемые сведения о современной им истории: о крещении Армении, изобретении письменности, войне с Ираном. Сохранились четыре книги «Бузандарана»⁸, которые посвящены расцвету и распаду Армянского царства Аршакидов. Авторы этого сочинения писали в V в.

⁶ Начало времен датируется Мовсесом началом правления Селевка Никатора — 312–311 гг. до н.э., а завершение истории маркируется 439–440 гг. (смерть Месропа Маштоца и Саака Партева).

⁷ *Mathews E.G.* The life of Maštoč as an encomium // REA. 1993. Т. 24. P. 443–450. См. библиографию: *Thomson R.W.* A Bibliography of Classical Armenian Literature to 1500 AD. Turnhout, 1995. P. 90–95 (издания и исследования труда Агафангела); *Арутюнова-Фиданян В.А.* «Повествование о делах армянских». С. 204–209 (библиография жития Григория Просветителя в «Истории Армении» Агафангела).

⁸ Фавстоса Бузандаци История Армении. СПб., 1883 (на арм. яз.) (далее: Фавстос I). См. также издания армянского текста: Венеция, 1880; Тифлис, 1912; Венеция, 1914; Венеция, 1933. Переводы: на новоармянский язык Ст. Малхасянца (Ереван, 1947), на немецкий — М. Лауера (Кёльн, 1879); на французский Н. Эмина (Париж, 1867), на английский Н. Гарсоян: *The Epic Histories Attributed to P'awstos Buzand (Buzandaran Patmut'iwnk')* / Transl. and commentary by N.G. Garsoïan. Cambridge (Mass.), 1989 (далее: *The Epic Histories*). См. указанные там издания и литературу.

о событиях IV в. с позиций историка-пророка о прошлом⁹. «Бузандаран» отражает не только события «Персидской войны», но и противостояние между патриархами Григоридами и царями Аршакуни, а также феодальные междоусобицы и легенды нахарарских фамилий, в особенности дома Мамиконянов. Сказания составляют целостное повествование и объединены идейно и сюжетно: война с Ираном, борьба за политическую и религиозную независимость и становление Армянского царства. Во всех перипетиях армянской истории «Бузандарана» выступают царь и спарпет Мамиконян: 1) ветвь (сюжетная линия) царей Хосрова и Трдата и Артавазда Мамиконяна; 2) ветвь царя Хосрова Котака и Ваче Мамиконяна; 3) эпос царя Тирана, в котором действуют зятья Мамиконянов (спасенные ими во младенчестве); 4) ветвь царей Аршака и Папа, Васака и Мушега Мамиконянов, позднее Мануэла Мамиконяна.

Ваче — спарпет при Хосрове Котака (кн. III); Васак, — спарпет при Тиране и Аршаке (кн. III, IV); Мушег, сын Васака — спарпет при Папе (кн. V); Мануэл — спарпет при Варздате и регент при сыновьях Папа Аршаке и Валаршаке (кн. V).

В «Бузандаране» переплетены три основные сюжетные линии: 1) история царей; 2) история церкви; 3) история дома Мамиконянов. Авторы «Бузандарана» собрали множество преданий о политических и церковных деятелях IV в. Сказания, легенды, исторические песни легко и быстро слагались и распространялись по стране и в их собственное время. Авторы «Бузандарана», по-видимому, сами были грамотными сказителями-випасанами, и, таким образом, «Бузандаран» был написан на основании собранных устных преданий, а также новых сказаний, созданных и изложенных самими авторами, а позднее, возможно, отредактированных одним из них. В «Бузандаране» нет ни одной даты, сохраняется только преемственность событий, связанных друг с другом словами: «затем», «в то время», «после того как» и т.д. Нет внутренней связи событий, как нет причин и следствий в хронологической преемственности. Сохранена последовательность царей и католикосов, однако из их жизни приводятся отдельные, иногда независимые

⁹ По мнению Ф. Корнфорда, менее известная концепция происхождения историографии в Элладе — это предположение, что в ее основе лежит не анализ фактов, а откровение (априорное, даже магическое знание), т.е. историк — не рациональный эмпирик, а пророк, поэт (*Cornford F.M. Principium sapientiae. The Origins of Greek Philosophical Thought. Cambridge, 1952; Idem. From Religion to Philosophy. A Study in the Origins of Western Speculation. N.Y., 1957.*)

друг от друга эпизоды. Светские сюжеты составляют единое целое — один большой эпос, а церковные повествования являются независимыми сказаниями и воспоминаниями, которые частично привнесены авторами в эпический материал. Авторы (редакторы) знакомы с «Историей» Агафангела, пользовались армянским переводом Библии и писали на армянском языке, насыщенном живой, народной речью, простонародными выражениями и идиомами. В «Бузандаране» можно найти цитаты из «Жития Маштоца» Кориюна, а также особые выражения и обороты, которые, по-видимому, написаны под влиянием этого сочинения; события V в. отражены в «Бузандаране» в форме видений, проклятий и предсказаний¹⁰.

Н.Г. Гарсоян считает, что главным содержанием «Бузандарана» были «Geste of Mamikonean» и «Geste of Aršakuni»¹¹. В «Бузандаране» отражены духовные приоритеты нахараров и их дружин («слава», «храбрость», «удача», «верность суверену» и т.п.), а также их образ жизни (сцены охот, войн, пиров). Описываются неожиданные атаки врагов в ночи, огромное количество вражеских войск, которых доблестно истребляют армянские нахарары с небольшими отрядами, при этом из вражеского войска спасается всегда кто-то «один на одном коне» — шах или предатель Меружан — вполне эпическая концовка битвы, в которой побеждают армяне¹².

«Бузандаран», по-видимому, представляет читателю (слушателю) древнюю триаду устных социогенетических догосударственных и дохристианских преданий: царь (вождь), военный предводитель (воевода), жрец (духовный глава этноса). При этом их функции могли сдвигаться (вождь = военный предводитель, вождь = жрец).

В триаде «Бузандарана» царь — наиболее слабая фигура. Армянские Аршакиды в критические моменты либо бездействуют вместе с патриархом, уступая активную роль спарапету Мамиконяну (царь Хосров, «уклонившийся от встречи со своим братом мазкутским царем Санесаном», или царь Пап, предоставивший Мушегу Мамиконяну воевать с персами)¹³, либо наносят ощутимый вред стране своими злыми деяниями и грехами (Тиран, Аршак, Пап), что и приводит к гибели Армянское царство¹⁴.

¹⁰ Абемян М. История древнеармянской литературы. Ереван, 1975. С. 58–59.

¹¹ The Epic Histories. P. 32–35.

¹² Фавстос I. Кн. IV. Гл. 31–43, 45–49; Кн. V. Гл. 2 и сл.

¹³ Фавстос I. Кн. III. Гл. 7; Кн. IV. Гл. 4.

¹⁴ Там же. Кн. III. Гл. 12–14; Кн. IV. Гл. 15, 18, 19, 44, 50; Кн. V. Гл. 15, 22–24, 30–31.

Видение Даниила, пророчество и видение католикоса Нерсеса, пророчества священников и святых о гибели Армянского царства из-за грехов и неправедных деяний Аршакидов записаны в «Бузандаране» («гибель ваша предсказана устами пророков: испытать вашему роду Аршакуни последнюю чашу») ¹⁵. Царство Аршакуни погибнет, но земля армян будет спасена спарапетами. И последняя глава — это регентство Мануэла Мамиконяна, «когда все люди в армянской стране жили в довольстве» ¹⁶. Иными словами, происходит поглощение одной из функций триады, возможно, перешедшее из устной традиции.

Автор (авторы) «Бузандарана» пишут о роде Мамиконянов, из которых выходили военачальники (спарапеты): «бесстрашные и отважные», «первенствующие в боях», «род известный храбростью, дарованиями, и доброй славой, и добрыми делами... которому небо всегда посылало победу». Знаменательно благословение, дарованное Мушегу патриархом Нерсесом I: «Да благословит тебя Господь Христос, да ниспошлет тебе успех и дарует тебе победу во все дни твоей жизни; через тебя и через твой род да спасет Он Армянскую страну навеки» ¹⁷.

В сказаниях «Бузандарана» Мамиконяны благородны и великодушны, их милосердие (не в смысле всепрощения) вызывает удивление даже у врагов. Они убивают своих врагов только в открытом бою, не прибегают к коварству и обману, побеждают благодаря воинскому умению, опыту, а также личному мужеству, предпочитают умереть в бою, а свои заслуги видят в количестве проведенных ими сражений и полученных ранах, они боголюбивы, почитают и защищают Армянскую церковь (их род связан кровными узами с родом Григория Просветителя). Мамиконяны представляют собой воплощение физического и нравственного совершенства (*καλοκάγαθία*) ¹⁸.

Мануэл Мамиконян в своем завещании требует от своих детей «быть покорными и послушными царю Аршаку, быть верными...

¹⁵ Там же. Кн. V. Гл. 15; История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геворгяна; Под ред. С.Т. Еремяна; Вступ. статья Л.С. Хачикяна. Ереван, 1953. С. 94 (далее: Фавстос II).

¹⁶ Фавстос I. Кн. V. Гл. 42.

¹⁷ Фавстос II. С. 144.

¹⁸ «Когда царь Вараздат при выступлении поднял глаза, посмотрел на спарапета Мануэла и увидел величину его роста, красоту его фигуры, крепкое его сложение, его железные крепкоскованные неуязвимые доспехи, [облекавшие его] с ног до головы, сильного коня и несокрушимые конские доспехи, то в мыслях он сравнивал его с высокой неприступной горой» (Фавстос II. С. 185).

трудиться и воевать за армянскую страну», «жертвовать собой, как храбрые предки и оставить в стране имя храбреца»¹⁹. Страна и идея ее независимости воплощена и персонифицирована в личности царя. Мамиконяны — верные слуги царской династии, и, становясь регентами сыновей царя Папа, они продолжают служить царству Аршакидов²⁰.

После падения Аршакидов Мамиконяны несут ответственность за судьбу Армении²¹. Эпические сказания «Бузандарана» заканчиваются победой и прославлением нахарарского рода Мамиконянов. Н. Адонц писал, что девизом Мамиконянов было отвечать насилием на насилие, силой на силу, кровью на кровь.

Трудно найти в истории такой княжеский дом, который на протяжении веков оставался так верен родовому мировоззрению и традициям. Вместе с кровью они наследовали героический дух своего рода. Даже их имена, переходившие из поколения в поколение, представляют памятники их прошлого. Они являлись беззаветными защитниками чести и достоинства армянской страны и народа, потеряв свою силу в неравных войнах, сгорели героями в пламени самопожертвования²².

Борьба армян во главе с Варданом Мамиконяном за государственную и религиозную независимость от Ирана в середине V в. и сражение на Аварайрском поле (451 г.), значительно замедлившие персидскую экспансию, существенно повлияли на менталитет армянского народа и породили множество произведений (вплоть до XX в.). Одним из первых было сочинение Елишэ (V в.) «О Вардане и армянской войне» — история причин, хода и последствий войны и панегирик Вардану и его сподвижникам.

¹⁹ Фавстос I. Кн. V. Гл. 44; Фавстос II. С. 196.

²⁰ Арутюнова-Фиданян В.А. Родовое предание и ранняя историография: «Вторичный» эпос // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 9–27.

²¹ 451 г. — Вардан Мамиконян Великий, вождь в первой религиозной войне против Ирана; 481–482 гг. — Ваан Мамиконян, предводитель второго всеобщего восстания против персов; 485 г. — Ваан Мамиконян, правитель (танутэр) Армении (с этого времени Персидская Армения называется «танутэракан еркир» — земля танутэра). Правители Армении при арабах: 654–661 гг. — Амазасп Мамиконян, ишхан Армении; 661–685 гг. — Григор Мамиконян; 749–752 гг. — Мушег Мамиконян. В 774–775 гг. — восстание против Халифата и разгром фамилии Мамиконянов (The Epic Histories. P. 1–4, 34–35).

²² Адонц Н. Исторические исследования. Париж, 1948. С. 42 (на арм. яз.).

Непрекращавшееся и после Аварайра сопротивление экспансии Ирана в разных областях Армении заставило персидского царя Иездигерда отменить разорительные подати и разрешить свободное исповедание христианства. При патовых обстоятельствах противостояния Армении и Ирана народная традиция утвердила победу за домом Мамиконянов.

Легенда о Мамиконянах, пройдя через сочинение Елишэ, предположительно очевидца и участника событий, казалось бы, должна была расстаться со своим эпическим началом. Однако перечисленные подвиги Мамиконянов, восхваление их мужества и рыцарства в этом сочинении продолжает героические традиции откровенно эпического восхваления ведущих представителей этого дома²³.

Лазар Парпеци (род. ок. 443) получил образование в Константинополе, по возвращении принял участие в борьбе Ваана Мамиконяна против персов. Став марзпаном Армении в 485 г., Ваан перестроил Эчмиадзин, учредил там монастырь и братство и назначил Лазара Парпеци его настоятелем. Изгнанный из монастыря недоброжелателями, Лазар вновь обратился к покровительству Мамиконяна, и Ваан Мамиконян предложил Лазару написать историю Армении, как церковную, так и светскую, продолжив «Историю» Бузанда.

«История Армении» Лазара Парпеци состоит из трех частей: 1) история страны от раздела Армянского государства до падения династии Аршакидов; 2) война Варданидов; 3) восхваление рода Мамиконянов²⁴.

Источниками «Истории» Лазара были труды Агафангела, Корюна и «Бузандаран». Из «Истории Армении» Агафангела он заимствует выражения, обороты, метафоры и исторические воспоминания, часто ссылается на Корюна, но большую часть «Истории» Лазар написал, несомненно, на основании преданий.

«История» Лазара начинается с раздела Армянского государства между Византией и Ираном и доходит до падения династии Арша-

²³ *Елишэ*. О Вардане и армянской войне / Подгот. к печати и предисл. Е. Тер-Минасяна. Ереван, 1957 (на др.-арм. яз.); *Абегиан М.* История древнеармянской литературы. С. 163–171 и сл.; *The Epic Histories*. P. 34–35.

²⁴ *Лазар Парпеци*. История Армении. N.Y., 1985 (на др.-арм. яз.); *The History of Łazar Parpeci* / Transl., intr., app. by R.W. Thomson. Atlanta (Ge.), 1991. Об изданиях «Истории» Лазара Парпеци и посвященной Лазару литературе см.: *Thomson R.W.* A Bibliography. P. 145–149; *Абегиан М.* История древнеармянской литературы. С. 180–189.

куни (428 г.) — «полной гибели нашей страны Армянской» — и смерти Саака и Маштоца. В этой части указаны порядок преемственности персидских и армянских царей и католикосов, т.е., очевидно, Лазар привлекал достоверный документальный материал. Тема второй части «Истории» Лазара и сочинения Елишэ одна и та же — война Варданидов, и Лазар, несомненно, пользуется трудом своего предшественника.

Лазар Парпеци писал свою «Историю», используя, помимо указанных выше источников, рассказы о совсем недавних событиях, уже приобретавшие характер народных сказаний.

Следуя за авторами «Бузандарана», Парпеци создает яркие и впечатляющие образы выдающихся представителей рода Мамиконянов (особенно спарапета Вардана), истинных героев, которые могли служить примером для читателей. Третья часть «Истории» Лазара Парпеци, посвященная современным автору событиям, является восхвалением рода Мамиконянов, и особенно Ваана Мамиконяна и его братьев.

Ваан Мамиконян у Лазара — доблестный и мужественный воин, отважный защитник церкви. Он и его братья

...преуспевали во всем и пользовались славой; они еще в детском возрасте всем прозорливым умам представлялись удачливыми и удивительными... Они были лучше всех и выделялись во всем: и в совете, и в рассудительности, и в изобретательности; стреляли из лука — искусно и метко, на охоте были проворны, ловки на обе руки, во всех отношениях непогрешимы и исполнены благодати... Присутствие их придавало великолепию ужинам всех танутэров армянских; ими оживлялись во всех домах далекие и близкие. Они спешили уподобить себе в деле преуспевания также сыновей блаженного Аршавира Камсаракана, тэра Аршаруника (их родственников. — *В.А.*)²⁵.

Мамиконяны были идеалом рыцарей-воинов и для Елише, и для Парпеци. В сочинении «О Вардане и армянской войне» прославляется руководитель восстания 450–451 гг. против Ирана спарапет Вардан Мамиконян, а Лазар Парпеци пишет свою «Историю Армении» по воле спарапета, а затем марзпана Армении Ваана Ма-

²⁵ Культура раннефеодальной Армении (IV–VII вв.). Ереван, 1980. С. 22; *Абегян М.* История древнеармянской литературы. С. 182–185 («Восхваление Мамиконянов»).

миконяна, организатора второго всеармянского восстания против Ирана в 481–482 гг.

Ряд исследователей полагает, что смысл эпоса — не в передаче исторических фактов, поскольку «реальность входит в эпическую сюжетику не летописными фактами, не датируемыми определенными событиями: сражениями, осадами, походами, сменами правителей и т.д., а типовыми устойчивыми явлениями, сторонами жизни, ситуациями, которым свойственны повторяемость, всеобщая значимость и которые определяют быт эпохи». При этом реальность быта подвергается эпическому переосмыслению, преобразованию, художественной переработке (формулизация, соотношение с уже имеющимися в эпосе обобщениями, синтезирование с традицией, т.е. идеализация, гиперболизация, условность, ситуативность²⁶). Иными словами, смысл эпоса в художественном конструировании исторических моделей, обобщающих народный опыт и идеалы²⁷. Д.С. Раевский считает, что эпическое повествование о событиях (даже реальных) подчинено в первую очередь задаче кодирования не частных сведений, а общественно-ценной информации и строится по заданной модели²⁸. Однако обычное движение от конкретно-исторического сообщения к эпическому обобщению, от хроникальной достоверности к заданной условности, очевидно, замедлялось на стыке двух историй — устной и письменной, т.к. тема порождает формулу, а не наоборот, а тема была почти современной авторам — хронистам.

В V в. устные и письменные сказания появляются одновременно, грамотные виписаны и слагают легенды, и пишут историю. Для авторов «Бузандарана» главными источниками были эпические сказания, легенды, исторические песни. Редактор, составлявший первую «Историю Армении» и живший во второй половине V в., располагал множеством воспоминаний о католикосах, царях и полководцах IV в., но в еще большей степени, как подчеркивает сам редактор «Бузандарана», он пользовался сказаниями, слагающимися его современниками и, очевидно, им самим.

Иными словами, сказания о роде Мамиконянов создавались и в IV, и в V в. и почти немедленно по созданию в устной форме

²⁶ Путилов Б.Н. Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976. С. 233–235.

²⁷ Путилов Б.Н. Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М., 1975. С. 175.

²⁸ Раевский Д.С. Мир скифской культуры. М., 2006. С. 344 и сл.

включались в историографический контекст, в основном писателями, близкими к их дому (редактор «Бузандарана», Лазар Парпеци, Елишэ).

Насколько реальны были Мамиконяны ранней историографии, шагнувшие в нее из устной традиции и наделенные героическими добродетелями? Д.С. Лихачёв считает, что «именно жизнь, а не литература, не литературная традиция, выработала те идеалы, которые и в действительности, и в литературе служили мерилami людей. В литературном изображении реальные люди либо подтягивались к этим идеалам, признавались соответствующими им, либо отвергались именно с точки зрения этих идеалов»²⁹.

Очевидно, что реалии армянской жизни IV–V вв. — войны за государственную и религиозную независимость, постоянное противостояние Византии и Ирану, общеармянские и локальные восстания — требовали героических деятелей и вызывали их к жизни. Спарапеты Мамиконяны, предводители армянского войска, доминировали в этих коллизиях. Они изображались и, очевидно, действительно должны были быть близки к идеалу государственных деятелей и воинов прежде всего потому, что они на протяжении трех веков играли одну из ведущих ролей в жизни Армении. Идеализирующим фактором оказалась и близость историографов к их дому (Елишэ был секретарем Вардана Мамиконяна, а Лазар Парпеци написал «Историю Армении» по заказу марзпана Ваана Мамиконяна). Время создания родовых преданий Мамиконянов и время их записи максимально и уникально сближены.

Легенды рода Мамиконянов и армянская историография V в. предоставляют достаточно наглядный и репрезентативный материал для изучения механизмов взаимодействия родовых преданий и ранней средневековой историографии, т.к. история этого рода постоянно находилась в фокусе внимания армянских авторов. Мамиконяны — владетели обширных областей Тарона и Тайка, наследственные главнокомандующие (спарапеты) армянского войска, наставники и регенты царевичей и правители страны после падения династии Аршакидов — были лидерами в борьбе за независимость Армении против Сасанидского Ирана, а позднее Арабского халифата³⁰.

²⁹ Лихачёв Д.С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 29.

³⁰ Арутюнова-Фиданян В.А. Родовое предание. С. 12.

Исследователь творчества Мовсеса Хоренаци³¹ Г.Х. Саркисян рассматривает его сочинение как органическое слияние больших и малых хронологических систем, как суперсистему, отличающуюся стройностью, целостностью и соразмерностью. Система эволюции нахарарских родов слагается из полусотни субсистем — линий развития отдельных домов, переплетающихся друг с другом. Историк исследует происхождение, владения, права и обязанности при царском дворе и деяния видных аристократов, периоды подъема и упадка их фамилий. Мовсеса справедливо называют «историком армянского нахарарства»³².

Ключевую роль в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци играют Багратиды. Уделяя Мамиконянам гораздо меньше внимания, чем Багратидам, Мовсес Хоренаци приводит всё же легенду о происхождении рода Мамиконянов. Сдержанность Мовсеса Хоренаци по отношению к Мамиконянам является одним из аргументов в длительной полемике о времени создания «Истории Армении» в пользу ее позднего происхождения. Р. Томсон, возродивший и даже усиливший в конце 70-х годов XX в. гиперкритицизм Гр. Халатянца (вторая половина XIX в.), считает Мовсеса автором VIII в.³³ Однако целый ряд исследований (И.А. Орбели, С.Т. Еремяна, Л.Г. Хачикяна, Б.Б. Пиотровского, Г.Б. Джаукяна, И.М. Дьяконова и др.), суммированных в работах Г.Х. Саркисяна (который считает вспышку гиперкритицизма анахронизмом), возвращает Мовсеса в V в.³⁴ Г.Х. Саркисян отмечает, что гиперкритики XX в. отказались, по крайней мере, от одной из своих главных позиций: Р. Томсон, например, не считает фольклорные материалы Мовсеса Хоренаци подделкой (как его предшественники) и даже положительно оценивает использование этих материалов в «Истории Армении»³⁵.

Для целей нашей работы важно, что труд Мовсеса Хоренаци разительно отличается от сочинений Корюна, Елише, авторов «Бу-

³¹ *Мовсес Хоренаци. История Армении / Критич. текст и предисл. М. Абеяна и С. Арутюняна; Факсим. изд. с дополнениями А.Б. Саргсяна. Ереван, 1991 (далее: Мовсес I); Мовсес Хоренаци. История Армении / Пер. с древнеарм. яз., введ. и примеч. Г.Х. Саркисяна. Ереван, 1990 (далее: Мовсес II).*

³² Мовсес II. С. XXI–XXII.

³³ Н.Я. Марр, И. Маркварт, Н. Адонц, Я. Манандян относили Мовсеса Хоренаци к VII, VIII и даже IX в. Н.Г. Гарсоян, соглашаясь с датировкой Р. Томсона, предполагает все же наличие раннего прототипа (*Garsoïan N.G. L'Histoire attribuée à Movsés Xorenatsi: que reste-t-il en dire? // REA. 2003–2004. Т. 29. P. 29–49*).

³⁴ Мовсес II. С. XXIII–XXXVI.

³⁵ Там же. С. XXXV.

зандарана» и Лазара Парпеци, и что Мовсес, несомненно, писал позднее, т.к. использует их работы.

Мовсес Хоренаци — первый общеармянский историк — пользуется всеми доступными ему источниками (как и современные исследователи), в них входят Библия, греческая и латинская литература, сирийская историография, уже упомянутые храмовые и придворные хроники, разрядные грамоты, труды предшествующих армянских историков (Агафангел, Корюн, «Бузандаран»), а также эпиграфика, памятники материальной культуры, язык (так называемая народная этимология) и, более всего, устная традиция: мифы, исторические предания, генеалогические легенды³⁶. Устная традиция в сочинении Мовсеса Хоренаци претерпевает значительные метаморфозы.

Вся первая часть «Истории» Мовсеса — это умело расположенные мифы (старательно демифологизированные) и социогенетические предания, сплетенные с библейскими сюжетами. Древнейший (индоевропейский) гимн о Вахагне, например, становится преданием о герое, впоследствии обожествленном, т.е. миф переходит в эпос, становясь в один ряд с историческими и библейскими преданиями. Первая книга «Истории» Мовсеса названа «Родословием Великой Армении» и содержит: 1) сказания о Хайке и Араме; 2) повествование о чужеземном владычестве (сказание о Шамирам и Ара Прекрасном); 3) имена ряда царей из рода Хайкидов, эпос о Тигране Великом и гимн о Ваагне. Труд Мовсеса Хоренаци, по существу, — единственный армянский источник о генезисе армянского народа, он использует устную историю Армении, включая ее во всеобщую (библейскую) историю и помещая родоначальника Хайка в библейские генеалогии³⁷.

По глубокому замечанию Н.Я. Марра, «сама церковь, примирившись с устаревшими в ней переживаниями древней, искони народной религии, становится национальной»³⁸. Армяне не столько вошли в новый христианский мир, сколько стали его важной составляющей. Переход от язычества к христианству — обычно коренная

³⁶ *Moses Khorenatsi. History of the Armenians / Transl. and commentary on the literary sources by R.W. Thomson. Cambridge (Mass.); L., 1978. P. 10–61 («Moses and his sources»).*

³⁷ О древнейшей истории армянского народа у Мовсеса Хоренаци см.: Мовсес II. С. XXXVI–XLI.

³⁸ *Марр Н.Я. Кавказ и памятники духовной культуры // Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995. С. 43.*

ломка менталитета и появление новой культуры. Мовсес Хоренаци констатирует крушение дохристианской армянской цивилизации, но, вместе с тем, он сохраняет, в определенной степени, часть ее духовной культуры — армянскую мифологию и некие апелляции к мифическим временам для доказательства сакральной природы социально-политических структур и генеалогий.

Мовсес Хоренаци включает родоначальника и эпонима армян Хайка в библейскую родословную, в линию потомков сына Ноя — Яфета. Хайк и его род («с приставшими к нему пришельцами и всем людом и скарбом») переселились в «страну Арарадскую» (не Айрарат центральной Армении, а Арарат — область к югу от оз. Ван), он подчиняет живших там людей, строит там дом и отдает его своему внуку Кадмосу, сыну Араманеака. Сам он пошел «с остальными людьми» на северо-запад и поселился на высокогорной равнине, назвав ее Харк, а люди, которые прежде жили там покорились Хайку, что «подтверждают упомянутые устные предания»³⁹. За несколько поколений до Хайка область юго-западной части нагорья, по Мовсесу Хоренаци, была заселена потомками Сима, еще одного из сыновей Ноя, а один из младших сыновей Сима, давшего имя горе Сим или Сев Кар⁴⁰, Тарбан поселился с тридцатью сыновьями, пятнадцатью дочерьми и их мужьями в области, названной его именем⁴¹. Тарбан таким образом становится эпонимом доармянских жителей Тарона, а Мовсес Хоренаци объясняет один из самых архаичных топонимов Армении, не упоминая языческого имени бога грома (Тарон)⁴².

Индоевропейские элементы армянского эпоса изучались М. Абе-гяном, С. Арутюняном, Г. Джаукяном, С. Ахяном, Ж. Дюмезилем, В. Ивановым, А. Петросяном и др., которые полагают, что армянские этногонические и эпические легенды — это проявление единой мифологической схемы с индоевропейскими характеристиками⁴³. Мовсес Хоренаци считает мифы аллегориями и располагает преда-

³⁹ Мовсес II. С. 19.

⁴⁰ Группа гор Армянского Тавра к югу от Муша.

⁴¹ Мовсес I. С. 26.

⁴² *Арутюнова-Фиданян В.А.* Божество грома в Тароне // Вестн. Правосл. Свято-Тихоновского ун-та. Сер. III. 2008. № 4 (14). С. 11–25.

⁴³ Наиболее яркие параллели индоевропейскому основному мифу предлагает эпос «Сасна црер», менее всего подвергшийся трансформации под пером средневековых книжников, т.к. он был записан в конце XIX в. (*Петросян А.* Армянский эпос и мифология. Истоки. Миф и история. Ереван, 2002. С. 4–5, 134–146, 150–158, 164–170).

ния, следуя собственным представлениям о логике сюжетов, создав таким образом историю древнейшего периода армянского народа — «Начальную историю». В сочинении Мовсеса Хоренаци отражен комплекс сюжетов и образов доэтногенетического периода и эпохи генезиса армянского народа, сложившихся под влиянием различных этнокультурных преданий. Ряд основных мифологем — это борьба астрального лучника и охотника с демоном тьмы; умирающее и воскресающее божество; герой, заключенный в пещеру; легенды о близнецах. Метаистория, существующая вне времени, преобразовывается в историю героического эпоса, а хтонические демоны трансформируются в конкретных врагов, демонстрируя противостояние «своих» и «чужих». Миф о борьбе астрального героя Хайка против солярного бога семитов Бела переходит в эпос о войне первопредка армянских племен против вавилонского деспота. Миф о войне Арама из потомства Хайка с Баршаминном, богом неба и солнца семитов, трансформируется в войну эпического героя Арама с сирийцем Баршаминном, а затем в борьбу протоармян с Ассирией, Каппадокией, Мидией. Миф об Ара Прекрасном и Шамирам — становится эпосом о войне царства Урарту (в которое входили и протоармянские племена) с Ассирией. Миф о борьбе бога грома с драконом переходит в эпос об Артавазде и вишапидах (драконидях), т.е. о войне армян с мидянами. Основные противники армянских этногонических, а затем и эпических героев — это южные соседи Армении, и потому Армянский Тавр, южная граница Тарона, в то же время отделяет от всей Армении враждебный ей мир. Тавр (ταῦρος) — бык, синоним бога грозы, ведущего божества всех индоевропейских и более поздних пантеонов.

В армянской устной традиции, вошедшей в армянскую историографию, отражена бинарность армянской мифологии и эпоса. Очень важно наблюдение, что в оппозиции «свои» — «чужие» этноним «армяне» (протоармяне, *hayk'*, хаи, что бы этот этноним ни означал на протяжении столетий и даже тысячелетий) безразличен ко времени и пространству, в то время как «чужие» в устной традиции, а затем и в письменной, меняются вместе со временем (вавилоняне, затем ассирийцы, мидяне, сирийцы, персы, арабы)⁴⁴.

⁴⁴ Арутюнян С. Основные черты древнеармянской мифологии // ИФЖ. 2006. № 3. С. 57–65. С. Арутюнян считает, что модель мира древнеармянской устной традиции — это борьба протоармян или армян против завоевателей за независимость, а также созидание (т.е. стремление к созданию устойчивых структур: страны, государственности, общества). Эта модель воплощена, как полагает автор,

Задачей настоящей статьи являлась попытка рассмотреть механизмы перехода устной истории в письменную непосредственно после изобретения алфавита. За рамками краткого очерка, разумеется, остаются многочисленные дискуссионные вопросы, касающиеся памятников историографии «золотого века», поскольку здесь важен только один аспект этих сочинений, который, кстати сказать, никогда не подвергался сомнению и не становился предметом дискуссий, а именно — огромная роль устной традиции в становлении и развитии армянской литературы V в.⁴⁵ Ни в коей мере не намереваясь включаться в вековые споры о времени жизни и творчества Мовсеса Хоренаци, хочу отметить, что он, разумеется, работал позднее летописцев V в., т.к. пользовался их трудами. Но — насколько позднее? До сих пор ни тщательный разбор «вставок» и «анахронизмов», ни длинные перечни «займствований» не подкрепили достаточно надежно позднюю датировку труда Мовсеса. И особенно ненадежен метод аналогий. Анализ и обработка источников, введение хронологии и оригинальная трансформация дохристианских преданий ставят Мовсеса Хоренаци на особое место среди всех армянских средневековых историков как «золотого» (V в.), так и «серебряного» века (X–XII вв.). И если принять мнение, что грандиозный труд Мовсеса Хоренаци с его концепцией всеармянской истории и нормами литературного творчества возник к концу V в., то это произведение, в особенности «Начальная история», плод не только гения автора, но и его собственной методики обработки устных преданий. И с этой точки зрения Мовсес Хоренаци не похож ни на своих предшественников, ни на преемников.

Предшественники Мовсеса Хоренаци, первые историографы V в., одинаково используют родовые предания и героическую устную историю, основанную на конкретных фактах, изложенных в соответствии с требованиями фольклорных формул и этикетных установок. Эти авторы не претендуют на включение истории Армении во всеобщую историю, событийный ряд, отраженный в

не только в мифологии и эпической поэзии, но в историографии и литературе с Древности до Нового времени (Там же. С. 65). Ср. также: Саркисян С. Веравания, религия, культы и пантеон богов древних армян. Ереван, 2001 (на арм. яз.).

⁴⁵ В последнее десятилетие даже гиперкритики Мовсеса Хоренаци не настаивают на том, что использованные им предания являются вымыслом автора (см. выше примеч. 36).

их сочинениях обычно точен⁴⁶, но описания событий Персидской войны и ее персонажей, а также христианизации и ее деятелей, внутренних коллизий в стране и т.п. не прошли обычного пути «миф–эпос–история». Языческий миф был отсечен самими авторами, а повествование о реальных исторических событиях облекалось в привычную эпическую форму устных преданий. Слишком короток был путь от конца IV до второй половины V в. для изменений, приращений, контаминаций, характерных для более поздних исторических сочинений. Мы наблюдаем феномен рассказов очевидцев, дошедших до авторов «Бузандарана», Елише и Лазара Парпеци в рамках устной истории, только что передавшей свой трон историографии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абегян М.* История древнеармянской литературы. Ереван, 1975.
- Адоңц Н.* Исторические исследования. Париж, 1948 (на арм. яз.).
- Арешиатян С.С.* Формирование философской науки в древней Армении (V–VI вв.). Ереван, 1973. С. 141–227.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Родовое предание и ранняя историография: «Вторичный» эпос // ДГ, 2001 год: Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 9–27.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* «Повествование о делах армянских» (VII в.). Источник и время. М., 2004.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Божество грома в Тароне // Вестн. Правосл. Свято-Тихоновского ун-та. Сер. III. 2008. № 4 (14). С. 11–25.
- Арутюнян С.* Основные черты древнеармянской мифологии // ИФЖ. 2006. № 3. С. 37–65.
- Джаукян Г.Б.* Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван, 1964.
- Джаукян Г.Б.* О соотношении хайасского и армянского языков // ИФЖ. 1988. № 1. С. 60–88.
- Елише.* О Вардане и армянской войне / Подгот. к печати и предисл. Е. Тер-Минасяна. Ереван, 1957 (на др.-арм. яз.).
- Еремян С.Т.* Племенное объединение армян в стране Арме-Шубрия // ИФЖ. 1958. № 3 (на арм. яз.).
- Еремян С.Т.* Процесс формирования армянского народа // ИФЖ. 1968. № 2 (на арм. яз.).

⁴⁶ Верифицируется иноязычными источниками, правда с несколько иными акцентами, ср., например, разные характеристики царя Папа в «Бузандаране» и у Аммиана Марцеллина (The Epic Histories. P. 397–398).

- Еремян С.Т.* История армянских племен в стране Арме-Шубрия // История армянского народа. Ереван, 1971. Т. 1. С. 230–245 (на арм. яз.).
- Иванов Вс.* Выделение разных хронологических слоев в древнеармянском и проблема первоначальной структуры текста гимна Ва(х)агну // ИФЖ. 1983. № 4 (103). С. 22–43.
- История Армении Фавстоса Бузанда / Пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геворгияна; Под ред. С.Т. Еремяна; Вступ. статья Л.С. Хачикяна. Ереван, 1953.
- Культура раннефеодальной Армении (IV–VII вв.). Ереван, 1980.
- Лазар Парпеци.* История Армении. N.Y., 1985 (на др.-арм. яз.).
- Лихачёв Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
- Март Н.Я.* Кавказ и памятники духовной культуры // Кавказский культурный мир и Армения. Ереван, 1995.
- Мелик-Оганджянян К.А.* О принципах историзма в изучении фольклора по материалам армянского народного эпоса. «Давид Сасунци» // ИФЖ. 2006. № 2.
- Мовсес Хоренаци.* История Армении / Пер. с древнеарм. яз., введ. и примеч. Г.Х. Саркисяна. Ереван, 1990.
- Мовсес Хоренаци.* История Армении / Критич. текст и предисл. М. Абеяна и С. Арутюняна; Факсим. изд. с дополнениями А.Б. Саргсяна. Ереван, 1991.
- Петросян А.* Армянский эпос и мифология. Истоки. Миф и история. Ереван, 2002.
- Путилов Б.Н.* Типология фольклорного историзма // Типология народного эпоса. М., 1975.
- Путилов Б.Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора. Л., 1976.
- Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М., 2006.
- Репина Л.П.* Память и историописание // История и память. М., 2006.
- Саркисян С.* Вера, религия, культы и пантеон богов древних армян. Ереван, 2001 (на арм. яз.).
- Тер-Петросян Л.* Древнеармянская переводная литература. Ереван, 1971. Фавстоса Бузандаци История Армении. СПб., 1883 (на арм. яз.).
- Cornford F.M.* Principium sapientiae. The Origins of Greek Philosophical Thought. Cambridge, 1952.
- Cornford F.M.* From Religion to Philosophy. A Study in the Origins of Western Speculation. N.Y., 1957.
- Garsoïan N.G.* L'Histoire attribuée à Movsés Xorenatsi: que reste-t-il en dire? // REA. 2003–2004. Т. 29.
- The Epic Histories Attributed to P'awstos Buzand (Buzandaran Patmutiwnk) / Transl. and commentary by N.G. Garsoïan. Cambridge (Mass.), 1989.
- Finck F.N.* Geschichte der armenischen Literatur // Geschichte der christlichen Literaturen des Orients. Leipzig, 1907.

The History of Łazar Parpeċi / Transl., intr., app. by R.W. Thomson. Atlanta (Ge.), 1991.

Mathews E.G. The life of Maštoċ as an encomium // REA. 1993. T. 24. P. 443–450.

Moses Khorenatsĭ. History of the Armenians / Transl. and commentary on the literary sources by R.W. Thomson. Cambridge (Mass.); L., 1978.

Thomson R.W. A Bibliography of Classical Armenian Literature to 1500 AD. Turnhout, 1995.

Viada A. Arutyunova-Fidanyan

ORAL TRADITION IN THE ARMENIAN HISTORIOGRAPHY: ON
THE MECHANISMS
OF CULTURAL CONTINUITY

The mechanisms of interaction of oral and written traditions still lack a detailed study, especially when we speak of the earliest stages of such interaction. The author studies this problem on the material of the Armenian historiography of the fifth century A.D. The predecessors of Movses Khorenatsi, the first historiographers of the fifth century, equally used family oral tradition and heroic oral history based on real facts but narrated according to folkloric formulae and etiquette standards. These authors had no claims to include the Armenian history into the history of the world. The set of events reported by them was basically correct, but the descriptions of the Persian war and its heroes, as well as of the Conversion and its figures, the inner troubles in the country, etc., had not overcome the usual way from *myth* via *epic* to *history*. The pagan myth was eliminated by the authors themselves, and the narration of real historical events was couched in the habitual epic form of oral legends. The way from the late fourth to the second half of the fifth century was too short for changes, increases, and contaminations typical for later historical works. We can observe the phenomenon of the eye-witness stories presented by the authors of *Buzandaran*, *Elishe*, and *Lazar Parpetsi* within the framework of oral history, which had just now passed its throne to historiography.

Key words: Armenia, historical writing, oral tradition, writing, Movses Khorenatsi, *Buzandaran*, *Elishe*, *Lazar Parpetsi*